

Алексей Машевский

ЛЕТНЕЕ РАСПИСАНИЕ

Алексей Машевский
ЛЕТНЕЕ РАСПИСАНИЕ
Стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 84.Р7

М38

Художник М. Е. Новиков

Машевский А.

М38 Летнее расписание: Стихи. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 72 с.

ISBN 5–265–00727–X

«Летнее расписание» – первая книга молодого ленинградского поэта Алексея Машевского, публиковавшего свои стихи в журналах «Новый мир», «Аврора», в коллективном сборнике «Невские просторы» и других изданиях.

М $\frac{4702010202-438}{08302-89}$ **228-89**

ББК 84.Р7

ISBN 5–265–00727–X

© Издательство «Советский писатель», 1989 г.

Алексей Машевский родился в Ленинграде в 1960 году.

Он физик по образованию и работает в Физико-техническом институте.

Его стихи не из тех, что принято называть «экспериментальными». И тем не менее это один из наиболее интересных молодых поэтов.

Стихи А. Машевского, на первый взгляд, обычны, в привычной традиции. А вместе с тем их воспринимаешь как поэзию нового, словно бы вдруг наступившего времени – потому как это поэт действительно нового поколения, и дело тут не в формальных особенностях, не в художественных изысках, но в неожиданном восприятии мира вокруг. Стихи А. Машевского лишены знакомого поэтического лоска, принятых оценок и оттенков, их автор избегает признанных «поэтическими» тем и образов, возвращаясь в повседневность, в обыденность – в то, чем живет сегодня человек.

Мы привыкли говорить о «городских» поэтах, имея в виду поэтов, у которых и пейзаж по преимуществу архитектурный, и дождь городской, и деревья растут на улице из-под асфальта. Здесь же речь не об описываемой среде, но о складывающемся на глазах новом городском сознании – о своеобразном, кое в чем любопытном, а иногда и пугающем духовном облике молодого нашего современника, почти утратившего традиционную связь с миром живой природы.

А. Машевский пытается проникнуть не столько в то, что человека окружает, сколько в то, чем он живет: на стройке, в лаборатории, дома и в отпуске, где-нибудь на облизанном поэтами Юге, в вагоне электрички, – в общении с людьми. При этом – избежать как экзотики, так и банальности...

Всегда ли это ему удастся? Увы, случается в его стихах и неоправданная многозначительность, и наивная символика порой не может поэтически возвысить пусть точный, но поверхностный реализм.

Однако здесь, как во всяком поиске, находки важнее неизбежных промахов. *А. Машевский* талантлив – и это прежде всего вселяет надежду на то, что у него есть истинно свое будущее.

Г. Цурикова

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО В ЛАБОРАТОРИИ

Ночью здесь беда случиться может.
Коридоры зыбкие похожи –
Двери, двери, двери, полумрак –
На убежище или на бункер. Боже,
Неужели это будет так?
Лампа одинокая тревожит,
И скользит замедленно по коже
Пальцами холодными сквозняк.
А зайдешь: малиновые дуги,
Печи багровеют от натуги,
Булькает в сосуде водород.
Ровный сон младенческой науки...
Встанешь у окна, скрестивши руки, –
Снег идет...

ФОТОЛЮМИНЕСЦЕНЦИЯ

Сколько в воздухе пыли!
Даже виден зеленый лазерный луч,
Наподобие тоненькой ниточки, или
Наподобие молнии резкой из туч.
Только здесь по-домашнему: вот
Вентилятор включен; запотевший стеклянный
дьюар –

В нем кипит, испаряется жидкий азот,
И так быстро, что просто кошмар!
Не успеешь промерить и двух
Образцов, а уже торопись, подливай!
Иней с кромки дьюара слетает, как пух
Тополиный, и в комнате – май.
Колбы словно бутоны цветов,
Сколько хрупких прозрачных тростинок,
стеблей –
Капилляров, вороночек, – вот и готов
Вечнокварцевый куст застекленных аллей.
Что ж, привыкнешь, быть может,
К синтетической радуге призм...
Только рук
Солнце слабо коснется и блики разложит,
И таким невозможным покажется вдруг.

ОВОЩЕБАЗА

Электрокар, медлительный, как танк,
С броней из ящичков на сломанном поддоне,
И рядом, в ватнике, в пенсне, тщедушный
Планк
На лампу щурится и дышит на ладони.
Совсем замерз...
Сейчас возьмется вновь
За сортировку тщательно, неловко:
В контейнере готовая фасовка,
А на полу гниющая морковь.
Сняв рукавицу, легкое пенсне
Чуть поправляет. Что за бред собачий!
Макс Планк не в кабинете, не на даче,
Не на симпозиуме, даже не во сне...
Галлюцинация! С чего это вдруг мне
Привиделось. И так, а не иначе?

Сквозь щели ящичков крысиные хвосты
Просовывает свекла. Распрячься!
Макс Планк пропал. Улитка-Кладовщица
Несет в руке измятые листы.

В ИНСТИТУТСКОЙ ПОСУДОМОЙКЕ

Это страшно! Опять тот же синий узор и
отколотый край –
В пятый раз возвращаются с месивом
серой котлеты.
Постарайся дыханье сдержать! Так,
за краешек, крепче!
Сгребай
В бак объедки застывшие. Господи,
боже мой, где ты?
Как попал в этот влажный, удушливый,
тесный мирок,
Где скользят твои ноги, где стены с лиловым
наплывом,
Где тарелок дымящихся не иссякает поток
Из огромной машины, заляпанной слизистым
мылом.
Невозможно! Руками орудуешь, как автомат,
Погружая ладони в холодную липкую массу.
Неужели потом можно будет вернуться назад
Или есть научиться опять, постепенно,
не сразу?

* * *

Мелок равнодушно, противно скрипит
По доске. Отвлекаясь
От прерывистой пляски иксов, от затянутых
петелек гамм,
Наблюдаю за лектором: как он кривит
Осторожные губы, открытой ладонью касаясь
Мокрой тряпки, и мел пристаёт, прилипает
к рукам.
Впрочем, он увлечен доказательством, тут
уточняет де Бая,
Там Ферми... Зал затих.
Мой сосед наклонился вперед и очки
приподнял, ожидая
Заключительной формулы. Голос звучит,
нарастая:
«Остается подставить икс штрих!»
Остается подставить...
После лекции стулья расставить,
Свежий воздух впустить через форточку,
яркость света убавить,
И, домой возвращаясь, увидеть, как вдруг
поредел
Рыхлый, стынущий сад... Ничего не спасти,
не поправить.
Мел на согнутых пальцах, сухой
раздражающий мел...

* * *

«Так к сорока пяти,
А если повезет,
То к сорока годам,
Смогу я дорасти
(Случайности не в счет!)
До старшего научного... А там
Жизнь, словно ракушка морская, обрстет:
Статьи, семья, безрадостный комфорт –
Не веришь сам...
А станется!..» – так думал я, входя
В метро, от капель липкого дождя
Отряхивая зонт, не находя
Пяти копеек. Скучный турникет,
Здесь намертво поставленный, следя,
Раскладывает мир на «да» и «нет».
Зажжется лампочка, затмится утлый свет –
Как странно быть еще при жизни тенью!
Монетка медная... Что ниже по теченью?
Железный лодочник, прими мой амулет...

Резиновый, ползучий парапет
На двадцать, тридцать или сорок лет...
Неужто жаль чего-то привиденью?!

ГАРАЖИ

Гаражи – целый город молчания.
Пятна ржавчины – кровоподтеки на
плоскостях стен.
Торжествует железо. И чувство отчаяния
Нарастает в душе: впереди никаких
перемен –
Те же узкие улочки марсианского города или
Поселенья иных, непонятных и жутких,
существ.

Из щебенки и щепок, обрывков бумаги
и пыли
Образуется смесь никому не известных
веществ.
Чахлый лист подорожника, одуванчика
желтые блики
По краям переулков и тяжелые злые замки,
Даже белый окурок – и тот не годится
в улики
Человеческой жизни, протянутой теплой
руки.
Лишь мелькнет силуэт настороженной
вкрадчивой кошки,
Лишь случайно найдешь воробья
на фонарном столбе,
Но напрасно искать приоткрытые двери,
окошки –
Ни окна, ни крыльца, и никто не ответит тебе.

ПЕРЕКУР НА СТРОЙКЕ

Беззаботность!
Замечательно разнообразие блеклых цветов
Спецодежды, лазури...
И защитные шлемы картонно-крепки.
Под раскатистый грохот железных листов
Даже брови не хмурим.
Мне все кажется, воздух привычно готов
К хриловатому окрику: «Эй, мужики,
Перекурим!»
Разве можно унять,
Задержать равнодушный соблазн
повседневной работы!
Где-то тикают счеты,
Где-то варят гороховый суп...

ГЛУХОНЕМЫЕ В МЕТРО

Л. Т.

Уши словно воском залепило на мгновение
Паутина... Пальцев копошащихся движение
Ноздри, губы выпячены – нет, опять прямые:
Включены и выключены...

А-а... Глухонемые.

Неужели с детства твердолобая, свинцовая
Глухота, и речь потом предстанет голая,
Как в анатомичке... Перекошенные лица.
Что ж они не могут все никак наговориться?
Тишина густая в этом грохоте повисла,
Все, что за спиной, уже ни имени, ни смысла
Не имеет... И нет силы оглянуться.
Как они беззвучно содрогаются, смеются!
Не расколдовать... Настойчивые руки.
Мыслям, ничего не знающим о звуке,
Тесно. Возле глаз порхающие птицы –
Два десятка фраз.

Все не наговориться...

КИНОТЕАТР

Или за руку водят меня эти тени?

Густой хоровод.

Не боясь их сплетений, иду, оступаясь,

вперед.

В темном зале экрана кипит ледяная струя.

С того берега машут мне... Странно,

не чувствую я

Ни обиды своей, ни заботы, ни тела,

ни тяжести рук.

Кресла – черные соты, застывших голов
полукруг.
Словно ждем переправы, за лодочкой
утлой следим.
Там – сомлевшие травы, там – каждый
навек невредим.
И рукой не коснуться, лишь бродят во тьме
голоса.
Я хотел бы проснуться, но как же –
открыты глаза.
Лица, отблески, пятна... Да жив ли?
Да точно ль знаком?
Неужели обратно отпустят, обдав холодком?
Все забуду, как выйду на свет, теребя
свой кушак.
Что же, только для виду пугали, сажали
во мрак?
Или просто по краю прошелся, ступая след
в след,
Мглы, где тени, играя, волнуются, сходят
на нет.

ВЕСНА В НОВЫХ КВАРТАЛАХ

Вечер чуть сыроват. И прекраснее белых
домов
(Они, правда, грязны, но сказать невозможно
иначе)
Нет ничего...
Бутафорский, смешной, типовой, но по-новому
понятый кров
Снова строим из кубиков.

Здесь еще старые дачи
Были месяц назад, а теперь экскаватора рев.
Мимо вросших машин по асфальту струится
ручей,
Возле люка потоп, капли виснуть на дверцах
устали,
Завтра тронется эта армада сияющих
«Волг», «Москвичей».
Если главное так анонимно, а город, как
воздух, – ничей,
Остается любить однозначные злые детали.
Ничего, ничего! Человек
Терпелив и отходчив. Последний
слежавшийся снег
Набухает водой (ну, какие тут, к черту,
оковы!).
Обживем этот дом, этот новый район,
этот век,
Неуживчивый, резкий, неловкий еще,
подростковый.

* * *

Луны беловатый мазок на небе темнеющем.
Важно
Солнце заходит. Стихнул громоздкий вагон
Пригородной электрички... Коричневый,
желтый, бумажный
Снег... И дома типовые. От тени
девятиэтажной
Сквозь солоноватые сумерки к нам
подбирается сон.
Как лучше сказать: «засыпаю», «вкушаю
покой», «ощущаю усталость»?

Слово к самым глазам поднесу –
на просвет виден знак водяной,
Бледный штампик эпохи... А все же
немного осталось
(Этот мартовский лед, эта невосполнимая
жалость!),
Только рифмы придумать – подстрочник
лежит предо мной.
Почему-то не хочется счастья иного, чем эти
закаты
Сквозь стекло запыленное, чем возвращенье
домой
После долгой работы... Да!
В тамбуре курят солдаты.
Слышен звон, гоготанье. Мужчина пройди
по прямой
Между лавок не может – на стрелках качает
сильнее.
Он спешит, извиняется, больно толкнув
старика.
Багровеет лицо, напрягается тонкая шея,
И портфель задевает портфели, кошелки,
бока.
Если что-то и можно любить, то, наверно,
беспомощность эту,
Беззащитность...
Если можно кого-то любить, то, наверно,
только его.
Впрочем, также и женщину ту, за окном,
что стоит, прислонясь к парапету,
По вагонам глазами скользит и подносит
к губам сигарету.
Впрочем, также и сам парапет...
Но стихи беззащитней всего.

МАРТ НАЧИНАЕТСЯ

эти первые дни, когда март подражает
во всем февралю,
Когда тени короче становятся
и ослепительней снег...
Я люблю новостройки, похожесть
и молодость их безотчетно люблю,
Одинаковый строй и ритмичный
уступчатый бег.
Чешуею оконной на солнце засветится вдруг
Дом девятиэтажный... Автобус везет
до кольца.
Вот и круг замыкается – вспомни Лагаш
и Урук,
На воротах Иштар лазуритовый блеск
изразца.
Зиккурат кинотеатра и плоские контуры
крыш –
Снег, как белый песок. Хаммурапи, Ниневия,
Киш,
Арамейская речь, голубой глазированный
сон...
Вот и я возвращаюсь в уступчатый свой
Вавилон.

НА КУХНЕ

Клеенчатый стол, крошки хлеба,
с испачканным лезвием нож.
Пожинать, что ли? Под радио треск
бестолковый
И спички отыщешь, и свежую воду нальешь
В приземистый чайник, усеянный пятнами
сплошь.
Зажженной конфорки лиловый цветок
двадцатилепестковый.
Огонь не старается выглядеть чем-то иным.
В сиреневых лапках какая-то мягкость,
нетвердость –
Смешной паучок, повалившийся на спину.
С ним,
Увы, контрастирует наша стеклянная
гордость.
А хочется просто вот так, нарезая лимон,
Как для натюрморта какого-нибудь –
Ван ден Боса,
Смотреть за балкон...
Жаль только, что нет (холодильник раскрыт
и учтен)
Ни устриц, ни персиков, ни золотого подноса,

ПЕРЧАТКА

Перчатка снята, но полдня хранит
Руки округлость. Глянец черной кожи
Под лампой оживает. Странный вид:
Мизинец загнут, средний норовит
Кого-то зацепить и все не может
Прижать к ладони бежевый берет,
Лежащий тут. Благонадежность труппа!

Уже ни плоти, ни движенья нет,
Но пустота восприняла завет
Живой руки и повторяет тупо.
Бездарность! Что, сама-то не смогла
Изобрести? Сама не захотела?
Умрем, а добросовестная мгла
Скопирует отброшенное тело.

ЗЕРКАЛО

Ни цвета своего, ни формы, ни движенья...
Наверное, лелеять отраженья
Внимательно, дотошно, день за днем, –
По-своему заняты, утешенье,
Как нумизматика, как марок копошенья, –
И я попал в мерцающий альбом.
Смотрю на эти волосы и уши,
На тумбочку, на выпуклые груши
В тарелке с фиолетовой каймой
(Ах, у очков неважная оправка!).
Коллекция составлена на славу,
Лишь путает, где лево и где право,
Хозяин уклоняющийся мой.
Невидимый, стесняющийся, строгий...
Но что это?! У рамы на отроге
Стекла серебряная трещина и скол...
Так и смотреть, ничем не выдавая
Себя? Крепясь, стараясь, собирая?
Чтоб жизнь, уже облупленную с края,
Как отражение зеркала нашел?..

КАЛЕЙДОСКОП

Выпросил как-то у приятеля калейдоскоп,
Целое утро смотрел
На порхающих там мотыльков,
На изумрудных стрекоз, скарабеев,
отливами тел
Освобождающих зрение от повседневных
оков –
Стен грязно-синих, плафонов, нацеленных
в лоб.
Чуть повернешь – разойдутся тугие узлы
лепестков:
Алых, прозрачных, оранжевых, желто-
лиловых, ночных.
В детстве не помню восторгов таких –
пузырьков
Счастья, щекочущих небо. Все больше
мечтал об иных
Радостях. Странно, но все почему-то желал
Знать, как устроена трубка волшебная... И
Часто ломал ее – стеклышек хрупких развал,
Жалких, смущал, унижал вожделенья мои.
Ах, ну еще поверну! Но теперь, но теперь
никогда
Не посягну на уснувшее царство зеркал.
Синий цветок распускается, желтых тычинок
слюда.
Знаю, то битые стекла. А лучше бы, если
не знал.

* * *

Не запомнить, качаясь на чутких качелях сна
(Взад-вперед – то проснешься, то снова
нырнешь с головой),
Где душа пребывала. Туманная пелена
Над холодной, прозрачной, спокойной
летейской водой.
Словно в черную фотобумагу обернуты
мысли во сне,
Развернешь на свету – и тотчас пропадет
негатив.
Мозг разнеженно дремлет в своей костяной
тишине,
Бугорками ворочает – темнoлюбив, терпелив.
Тише! В домике с красными нитями крутят
и крутят кино,
Корректируя жизнь по желанию, рвутся
В игрушечный бой,
Наслаждение пьют беспрепятственно,
будто вино,
Со своею любовью, успокаиваются чужой.
Но когда опустеет малюсенький тот кинозал,
С губ последняя капля холодной воды
упадет,
Я проснусь и забуду, какие я радости знал,
Что еще меня ждет.

ВМЕСТЕ БЫТЬ...

* * *

Но я люблю, люблю! Но я хочу писать
Про это чувство – все другие пять
Пусть убираются! Зачем мне двор и сад,
И этот человек, и этот ряд
Машин, деревьев, скошенных оград, –
Зачем? Но вот – не двинуться, висят
Пустые фразы. Словно для того,
Чтобы в стихах открыться, нужен свет
От фонаря, и сверток, и билет
Автобусный, и ветер. Ничего
Не пропустить, не скомкать. Четкий след
Подробностей, расчетливых примет
Все тянется, и не сойти с него.
Похоже, что и чувство лишь предлог
Для описания одежды, позы, ног –
Не ног, а ножек! Впрочем, как хотите.
Всему виною зрение – залог
Правдивости – вот, собственно, итог
Развития в ретроспективном виде.
Дать имя, заприметить и назвать, –
Что нам еще доступно испытать,
Какие ценности живут еще помимо?
Но я люблю, мне хочется писать:
«Любовь, рука...
окурок, струйка дыма...»

* * *

Лучше больше тебя никогда не видеть,
Отказаться теперь же от той ненасытной
доли –
Рядом быть. Образумить нельзя,
приласкаться, обидеть...
Но страшнее случайное слово без привкуса
боли
Или нежности.
Я бы, ты знаешь, такие минуты
Оставлял напоследок: ладонь
на предплечье – всего-то.
Можно просто стоять и смотреть, как
качаются, ветром раздуты,
Одичалые кроны, как мечутся листья
без счета.
И, куда-то проваливаясь, замирая, в испуге
целуя.
Эти волосы... Что-то глухое, огромное ближе
и ближе.
Счастьем разве так мучают? Господи, нет,
не могу я!
Лучше сразу решить, что тебя никогда
не увижу
Больше... Время лишилось опоры, сейчас
опрокинется всею
Беспробудною тяжестью, рухнет, давя
и корежа.
Подпереть бы, но чем?.. Обнимаю сильнее,
не смею
Даже пошевелиться. Нет, лучше не видеть...
О боже!..

В ПАВЛОВСКЕ

День к двенадцати, как яблоко надкушенное,
Парк не кажется ни тихим, ни пустым.
Что-то важное, негромкое прослушано,
Заговорено-повторено-нарушено,
А теперь – чего же мы хотим?!

К Аполлону с голеньями длинными
Приданы Венера и Гермес.
Паутину просек паутинами
Окружает вытоптаный лес,
Кистями последними малиновыми...

Ну, экскурсоводное гудение!
Храмом Дружбы кружит Камерон.
Как наркотик – слово-наслаждение.
Кашлем передергивает сон.
Слушают... На лицах умиление,
Обступают с четырех сторон.

А когда здесь все затынет инеем –
Не увидеть, не поцеловать...
К сестрам этих – итальянским пиниям,
Пробудясь, потянемся ль опять?
Отличим, пойдем, расслышим, примем ли?..

НА МОГИЛЕ АННЕНСКОГО

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...

И. Анненский

Там был курчавый снег и порыжевший лед
От черствого песка, и ангелы летали
Золоторожие над церковью. Народ
Толпился у дворца, как на вокзале.
Привратница отстаивала вход,
А мы могилу старую искали...
Никто не мог помочь. И взад-вперед
Снежинки ошалевшие сновали...

На кладбище Казанском мы едва
Нашли его под снегом. Да, обуза
Тяжелая... Что ж дальше? Все слова
Налипли... Снег... Пустеет голова...
Бескровна замерзающая Муза.
Я ждал, все ждал волненья и тоски,
Но чувства не было. Холодные тиски
Сжимали руку голую. Я даже
Надел перчатку. Пестрый вид могил
Как бы произвольно наводил
На мысль, почти безумную, о пляже:
Все та же скученность, все та же теснота.
и сон, как жизнь, и горечь, и тщета –
Не затеряться в бессловесном прахе.
Смерть не приходит...

Черная плита

В белесой леденеющей рубахе...

* * *

Нет, не зыбкая поволока затуманила вдруг
глаза мне.
Я смотрю на тебя... Дорога жметя к лесу,
сухие камни.
Ветер – с травами, пыль – с листвою
придорожною, порыжелой.
Нет от солнца земле отбою, небо греет
пустое тело.
И, как будто не замечая нас, веселая кружит
птица.
Стебли, заросли иван-чая... Может, тоже
пожить случится
Невесомую, быстротечной жизнью бабочки
и улитки?
Обручается с первой встречной кашкой
шмель в меховой накидке.
Что ты, что ты!.. Все это враки. Ну зачем ей,
такой шалунье,
Нас держать, как птенцов во мраке,
под покровом крошечным, втуне,
Обольщать? Нет, всего дороже мне в любви
золотое зреньё,
То, что только одно и может видеть мира
литые звенья,
За изгибом следить горячим, не обманется
шатким словом.
Нам с тобой, удивленным, зрячим, нам
с тобою, на все готовым,
Этот лес, этот запах мяты, эти ветки, что
вместе слиты,
Иглы ели, жуки-солдаты, и не надо другой
защиты.

* * *

Язык латинствующий. Летний облик лип
На вымощенной плитами аллее...
Я в Каунасе чувствовал смелее
Уже себя, хотя все тот же тип
Лиц удлинённых на высокой шее
Меня преследовал... Я несколько охрип,
Продрогнув ночью в поезде (из щели
Сквозило страшно... дробь колес и скрип,
Зигзаги света, тени на постели),
Теперь поэтому стеснялся говорить,
Зайдя в кафе. Мороженое ели...
Мы только поженились, вместе быть
Еще казалось странным. Удивлял
Блеск розоватый золота на пальце,
Когда я сдачу с блюдца собирал
Или крутил свой фотоаппарат...
А днем пекло. Литовцы, как бенгалцы,
Загаром щеголяли. Ровный ряд
Домов, витрин, прилизанных тюльпанов...
И мальчики с глазами наркоманов.
Пока гуляли в сытой тишине
Картинных улиц, медленных бульваров,
В которых невозможен дождь и снег,
Цивилизованных кафе, цветущих баров,
Я думал, что теперь я человек
Женатый... Это странно было мне...
За декорацией у жизни свой разбег...
В специальный магазин для юбиляров
Зашли бесцельно, пили кислый сок,
Болело горло. После кипятка
В гостинице искали, чтобы чаем
Согреться на ночь. Белый потолок...
Шептались долго... Неудобно лег.
И сумерки пришли – не замечаем.

СВАДЕБНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Все улыбаются, глядя в немой объектив,
Только отец мой немножечко хмур и рассеян.
Пышный узор на стене одиозен,
но самоуверен,
Гипсовой лепки мучнисто-молочный отлив:
Розочки, словно на торте. А мама опять
Лучше всех вышла (идет ей зеленое платье),
Ира с цветами, смеется... Не в силах узнать я
Этих минут вот такими. Никак не понять,
Где же волнение, что мучило, тихий
скрываемый страх,
Нервная дрожь ее пальцев, от пота
намокший платок?
Нет, я же помню, как глупо споткнулся
в дверях,
Тупо стоял, как кольцо золотое не мог
Сразу надеть. и фотограф сновал по углам,
«Встаньте вот так», – говорил, прикрывая
скрипящую дверь.
Как целовались случайно, беспомощно, как...
А теперь:
Этот с ухмылкой довольною... это я сам?!
Или душа – негатив, перевернутым
оттиском – жизнь?
Кто-то старается нас подновить, подогнать
Под безопасный стандарт. Кто-то ласково
шепчет: «Крепись!»,
Чтобы не страшно нам было общаться,
подыгрывать, знать.

НАЧАЛО ОТПУСКА

В Ереване было слишком жарко, чтобы
Как-то оглядеться, что-нибудь понять.
Арарата дальние прохладные сугробы
Обостряли жажду, заставляли спать.
Отпуск начинался, как всегда, подспудно,
Целый день казалось: замер и стоишь.
Туфовые россыпи домов, почти безлюдно,
Как в каменоломне, не грохочут лишь.
И, присев в кафе, хотелось твердо убедиться,
Что уже добрался, медленно глотать
Кислую минуту, вглядываться в лица,
По Змеиным буквам смысл разбирать.
В разведенном соке о края стакана
Задевали льдинки. Дергался фонтан.
Было как-то пусто и немного странно:
Все сбылось, мы вместе... И это – Ереван.

БАКУ

Я думал: «Как странно, что эта пустая земля
Еще плодоносит»,
Над городом синий испуганный венчик огня,
Но ветер его не уносит.
В Тбилиси – картонные домики,
а в Ереване – базальт,
Здесь – тихий песчаник,
Ракушки, ракушки – веснушчатый
хрупкий асфальт,
День как закипающий чайник.
А Девичья башня – рассыпчатой серой
халвы
Душистая горка.

Милиционеры. Еще поворот головы –
И улица – улочка – норка.
А как заколешется воздух, то тухлых яиц
Доносится запах.
И множество странных, качающих клювами
птиц

На ржавых негнущихся лапах.
Куда бы пойти? Но тяжелое море и зной,
А сзади – пустыня.
Стоишь перед надписью непроходимой,
резной
На высохшей глине.

* * *

Почему эту южную землю не воспринимаешь
всерьез,
Снисходительно смотришь, как на глиняный
польный кувшин?
Потому, что здесь не было храмов орлиных
и слез?
Или были, – но нынче остался один на один
С деревнями беспмятными?.. и следишь,
как вихляющий ряд
Труднопроизносимых имен ослепить,
обмануть норовит.
О неправдоподобный Восток! Ну откуда
здесь все – виноград,
Груши, персики, дыни, – ведь почва
под солнцем горит.
Как становится миллионером находчивый
товаровед,
Инсценируют жизнь, как, гудя, облепляет
базар,
Хочешь, я расскажу тебе? Кажется, горя
здесь нет, –

Даже если и есть, это лишь театральный
угар.
Или просто так слышится нам, потому что
не знаем язык;
Или краски другие, не камень – а рыхлый
Песок?
И слезятся глаза, и всерьез принимать
не привык
Долгополый, болтливый, наивно-тщеславный
Восток.
И неловко, как будто молчишь напряженно
в гостях,
Пока щедрый хозяин добротную чушь
говорит.
И в молчанье твоём то ли высокомерия страх,
То ли страх – то ли жалость, а прощя –
безвыходный стыд.

КОМПЛЕКС ДВОРЦА ШИРВАНШАХОВ В БАКУ

Оказывается, асфальт – красив,
Особенно сейчас, когда ложатся тени
От желто-серых стен, и солнечный прилив
Накрыл всю улицу, и пыль лежит, застыв.
Идешь... Известняковые ступени.
Поднимемся?.. Обветренных камней
Дворец не побоялся. Все нежней,
Спокойней свет, одушевленной блоки
Песчаника задумчивого. Чей
Весь этот мир, струящийся, далекий?
В саду – лиловый куст китайских роз,
Мечети, на пустые гнезда ос
Похожие, порталы – сталактиты –
Термитники... Кто выдумал, что вязь
Арабских букв напыщенна? Струясь,

Опасливо нащупывает связь
С горячим светом, обнимает плиты.
А эти звезды тоже ведь – любовь,
Не изразцовая, а впитанная в кровь,
В плоть камня. и неважно, что не ясен
Мне смысл мелких линий, завитков...
Есть собиратели копеечных значков,
Монет, идей, явлений, трудных слов,
и тихий мир их, видимо, прекрасен.

* * *

По Тбилиси ходили в сопровождении
экскурсовода –
Такой маленькой беленькой женщины,
озабоченной, пожилой,
На собачку похожей. Пили свежую сладкую
воду,
и струя ударяла в стакан желтоватую
пенной иглой.
А на лавках сидели наивно-надменные люди,
И картонных балкончиков ряд нас затягивал
в свой хоровод,
Крыши купольных бань из земли выступали
как груди,
Неподвижного ровного голоса все
не кончался завод.
Я смотрел на нее недоверчиво. И неприятно
Становилось от губ посторонних,
от самостоятельных глаз,
Этих слов, превратившихся в кожу,
уже затвердевшую, внятно –
Отвратительно внятно – повторенных,
прочно вплетенных в рассказ.
Как подкладка страшна наших дел, наших
действий! Но тише...

Целых семьсот километров – нелепо!..

Изрядно трянуло.

Нет, посмотрите, что делает этот дурак!

Как обгоняет! Ведь тут запрещающий знак!

Из-под колес серебристою пылью дохнуло.

Хвост убегающей «Волги», качаясь, уходит

вперед,

Красный глазок замигал. И не верится мне,

что ведет

Эту машину чужая, с ней не сопряженная

воля.

Видел на автозаправке, как жадно глотают

бензин,

Глухо урчат, видел кожу накатанных шин –

Дырки, заплатки, мозоли.

Стоп! Это я для стихов невзначай подбираю

сюжет?

Что же еще? Написать бы про горы,

но нет –

Мне не известно, что делать с природой.

К тому же

Рядом мой тесть, и жена, и мигающих

лампочек свет –

Чем они хуже?!

ДОМОЙ

В голове обязательно мысль отступная

мелькнет:

«Долететь бы спокойно!» и, подтрунивая над

собой,

Беспольный ремень закрепляешь,

пока самолет

Разбегаются плавно, конфету сосешь

за щекой.

Но на самом-то деле уже безотчетно привык

Не бояться случайностей. Трудно
и вообразить,
Что непреодолимая служба, страницы
отложенных книг
И семья согласятся так просто тебя
отпустить...
За окном Ставропольский, уже
обмолоченный, край,
Сверху виден линолеум гладких,
покатых полей...
Я поверить готов в офицерский
планшеточный рай.
Где как будто хранит от беды заведенный
порядок вещей,
И не требует сил, и на целую жизнь
припасен
Званий плавно струящийся перечень,
разнокалиберных звезд.
Только страшно на пенсию выйти,
лишиться заветных погон...
Самолет долетит, я уверен...
Коричневой тучи нарост...

ПОКУПАЯ ЖЕНЕ БУКЕТ КАЛЕНДУЛЫ

Этот цветочный базар на восточный
совсем не похож:
Там слишком шумно и ярко – здесь суше
и как-то честней.
Там от ковров и шелков пробирает
невольная дрожь,
Здесь – лишь букетик календулы. Помнишь,
что связано с ней?..
Ведь прежде, чем я узнал рыжебровый
мохнатый цветок,

Было неспешное детство и множество тихих
простуд.
Бабушка ставила чайник, на полке брала
пузырек
С желто-коричневой жидкостью... Несколько
долгих минут
Горло, крепясь, полоскал. Было больно.
Прозрачная смесь
Пахла приятно и терпкой казалась на вкус.
Мой фарингит проходил. И не знал я,
не думал, что есть
Рыжий цветочек с названием лекарственным...
Пусть
Мне показали потом, как растет он
на клумбе среди
Хрупких настурций и декоративных бобов,
Суетных, самовлюбленных (усы там у них,
бигуди).
Мне до сих пор этот яркий цветок
непонятен и нов.
Скажут «календула» – в горле невольно
зудит...

Разве не то же я знаю про жаркий,
про смуглый Восток:
Вкус созревающей дыни, мечети облупленный
вид,
Дикорастущее имя Харун ибн Махди
ар-Рашид...
Вот побывал, посмотрел, а по-новому
вникнуть не смог.

СТРЕЛЬНА

В полупустом дворце сейчас уют морского
Училища, арктического, кажется,

Стена с опавшей штукатуркой – мажется,
Висят куски лепнины, бестолково
Ползут колосья жирные, членистые,
Как гусеницы, сыто-волосатые.
Под окнами возросшие неистово
Тугие лопухи одутловатые.
Мы просто погулять сюда приехали,
Смотрели на искусственные гроты,
Как камни ноздреватыми орехами
Заполнили причудливые соты,
Но здесь уже осыпались, здесь – треснула
Натруженная мраморная шея.
Ударили случайно, или тесно ей
В объятиях малины и кипрея?
Ударили, наверно... Огорошено
Перед дворцом по пустоши ходили.
Вторгались пчелы гулкие непрошено,
Волна кустов, комки цветочной пыли,
И запах сена, с солнцем вместе спаянный,
И годы отступные...

Но поверьте,
Не знаю, как я мог забыть нечаянно
Про годовщину бабушкиной смерти.

В ВАГОНЕ ПРИГОРОДНОЙ ЭЛЕКТРИЧКИ

От золотистой нежности скамеек,
Пахучих, новеньких (коснуться –
высох лак?),

Невольно тянет сесть, но я никак
Не выберу куда. От ручек, реек
Рябит в глазах. Качается гамак
Вагона. Я еще подумал: «Так
Сажают в клетку желтых канареек,
Несут... куда?» Баюкает костяк
Бортов, сидений. Сходит теплый мрак –
Приблудный сон томителен и клеек.
Как птица спишь нахохлившись. Блестят
Наплывы стекол, Солнечные пятна
Балуются, щекочут, и обратно
Все ускользнуть, все вырваться хотят.
Качнет – не пошевелиться, лишь взгляд
Из-под ресниц затеплится невнятно.
Так и клюешь. Но замедляет ход
Просторный Птичник. Что это? Народ
Скопился к выходу. А станция какая?
Моя? Моя! Усилие – и сон,
Растрепанный, как перышко, сметен.
Схожу на переполненный перрон
Безропотно, с трудом, не понимая...

* * *

При страшной сей красе Природы...
Г. Р. Державин

Березы гладкий ствол и перхоть на земле
Трухи, семян мельчайших, легкокрылых.
Ползут ростки, смеркается бурьян,
Клубясь на облюбленных перилах,
Карабкается плющ, в зеленой мгле
Кривая ель скрывает свой изъян.
Я словно пьян –
Остановиться, обождать не в силах.
От этой деревянной, но живой,
От этой трубчатой, от этой льнущей чащи –
Ну почему становится легко?
Стволы уходят в небо далеко,
И думаешь, что вот он, тут, целящий
Твой мир, покой.
Я пробовал дотронуться рукой
До кожи белоствольной и блестящей.
Но ствол был тверд на ощупь и шершав,
В чешуйках, в метинах. Побегии острых трав
Его стеной тяжелой обступили.
Мне стало холодно от сырости в тени,
Тревожно как-то... Стебли, ветви, пни
Молчащие... Мне кажется, они
Какую-то угрозу затаили.
Вот так заблудишься доверчиво в лесу,
Природы видишь страшную красу –
Мир выгнутый, косматый, шелестящий,
И вдруг поймешь испуганно сквозь сон:
Ты здесь один, один. Со всех сторон
Ты деревянной жизнью окружен –
Чужой, полуслепой, ненастоящей,

* * *

На зеленой стоянке, чтоб ноги хотя бы
немного размять,
Отойдешь от автобуса к узкой полоске ракушек.
Кто направо, кто через дорогу налево.
Лишь пять
Пустотелых минут выделяет нам явно
тоскующий гид,
И понятно, скажите на милость, какой же
расчет
Ему с нами возиться, задерживаться
каждый день?
Оглянусь: по буграм иван-чай беспризорно
и жадно цветет,
Желторотая пижма, лесная прозрачная тень.
Мир укутан, укрыт – невозможно и шагу
ступить.
Как топорщится шерсть островерхой травы
луговой!
Плотно к нити зеленой ложится зеленая нить
И в щебечущий полог свивается над головой
(Рябь... оглохнув, стоишь), в копошащийся,
льнущий ковер
Под ногами. Колючими лапками, пленкой
хитиновых крыл
Жизнь щекочет, толчется – какой-то он
вселенский собор –
Захмелевший, цветочный, парчовый,
бушующий клир.
Что за сила карабкающаяся, липкий
сцепляющий клей!
О, мне не по себе от бубнящей живой пелены.
Но страшнее увидеть, раздвинув
сплетенные нити стеблей,
Почву, мертвую почву, с которой они сращены.

* * *

Стоим на вершине холма. Поутихли туристы.
И впрямь дух захватит от этих просторов
звнящих.
Луга заливные... Спокойны, сильны,
мускулисты
Извивы реки, и кустов непролазные чащи,
И все это до горизонта! Наш маленький
выступ,
Здравшийся над стометровым обрывом,
летащий...
Присесть на траву, чтобы чувствовать землю
надежно,
А то так и тянет туда подойти, задержаться
На самом краю. Это просто немыслимо!
Можно
С ума сойти. Не наглядеться,
не налюбоваться!
Зеленое море, вечернего солнца приливы,
Холодные губы усталого ветра, немая
Природа, застывшая, ждущая самолюбиво.
Что делать мне с ней?.. Я слабею,
я не понимаю.
Так переполняет, но словно бы есть
омертвелый
Участок в душе – не хватает... Минуты
тягучи...
Как будто я должен какое-то важное дело
Свершить, или слово найти, или кинуться
с кручи.

Мозаичных, огромных, пустых, немигающих
глаз
Взгляд непереносим. Из слюды ли они,
из металла?
Подожди, подожди, вот сейчас полотенце
возьму...
Так! Готова одна. Раздавлю оглушенную,
с хрустом.
Бр-р... Противно. Не знаю... Зачем это все,
не пойму...
Ведь не жалко ни капельки, что ж
омерзительно, пусто?

ПРОХОДЯ ПО ВЕСТИБЮЛЮ ГОСТИНИЦЫ

Чемоданы, чемоданы, руки узловатые,
Лица обалдевшие: еще один заезд.
Мнущиеся, крупногабаритные, кудлатые
Женщины; мужчины, приподнявшиеся с мест,
Групповодшу тесно обступившие,
встревоженные,
В этом интуристовском гостиничном раю!
Платья, куртки, джинсы сторублевые,
неношеные.
Как давно готовились к поездке! Узнаю.
Только... Ну зачем одежда эта броская,
Жалкие попытки как-то выправиться, в ряд
Втиснуться. О, сирота казанская,
тамбовская...
Что же делать, если некрасив и мешковат?
Хочется, чтоб и тебе, тебе досталось пьяное
Счастье, ледяное, чтоб до сердца холодок...
Обернешься: рядом отраженная, стеклянная
Жизнь... Немое зеркало, слепящий потолок

Смотришь – и себя с трудом находишь:
задирается
Свитер, раздражает, как сутулишься, идешь.
Голова лысеющая... Нет, не получается
Волосы пригладить, уложить ровнее...
Что ж...

ЗВОНЮ В ЛЕНИНГРАД ЖЕНЕ

Что выскажешь за три минуты?..
Вращаешь пружинящий круг.
Ухом к трубке притиснешься, слушаешь,
как в пустоту
Беспросветную звуки проваливаются. И вдруг
Ее голос отчетливый рядом...
Спокойней! Слова на лету
Ловишь... «Да, да, все в порядке...
Ну, как ты?»
Потеет ладонь.
Пред глазами лениво туристы бредут
через зал...
Боже, так ли хотел, так ли думал с тобой..
Только тронь –
Застывают слова. Разве эти я приберегал?
Что-то самое главное, самое важное
не удастся спасти.
Далеко, далеко, как вагоны груженные,
фразы уходят, кренясь.
Ты прости уж меня, сам не знаю за что,
но прости...
За случайную, нервную эту, недолгую
междугородную связь.

Выйдешь после на улицу. Сумерки...
Опустошен,
Оглушен. Вспоминаешь обрывки последних
вопросов. Знобит...
Влажный ветер. Стоишь под деревьями,
сыростью тянет от крон.
И подспудно, невнятно внутри поднимается
что-то, томит.

* * *

Нынче ветер, облака свое движение ускорили.
Только все равно жара, от солнца спасу нет.
А промчится мимо вот такой на мотороллере,
Вовсе задохнешься... Потянулся пыльный
след.
Вся дорога словно дымным пламенем
объятая.
О, наверно, чувствуешь себя лихим божком,
Джинном, разыгравшимся на воле... Куртка
мятая,
Шлем лобастый... Даром, что ль, разгуливать
пешком?!
Необъятный день. Прогрохотать по улице
Разве не приятно, нарушая гладь да тишь?
Совершеннолетний, уже взрослый,
не сутулится,
До чего серьезный уже мальчик, поглядишь.
Как растет трава в такой пыли
остроконечная,
Прямо на песке, не отступает за овраг?
Господи, да что же за жара бесчеловечная?!
Так светло и горестно, свободно, пусто так!

Это ли не юность несговорчивая, трудная,
Не запоминающая дней своих, обид, –
Милая, еще совсем глухая, безрассудная...
Впереди маячит, содрогается, пылит...

* * *

С мостика через речку
Видишь мальчишек, ныряющих в серую
мутную воду.
У-ух! По поверхности рябь, разбегающиеся
колечки.
Вынырнул, отплывает. И так в любую
погоду,
Чуть ли не в дождь. Подметки, консервные
банки
На берегу. Есть во всем этом что-то такое!..
Верткие, белобрысые, маленькие обезьянки:
Тонкие ножки, лопатки, дрожащее тельце
худое,
Синее.. Ну еще бы – часами в воде.
Простуды
Ведь не боятся! Безудержные, деловые.
Ловят мальков, пускают в илистые запруды.
Слепни, горячие камни, прозрачные рыбки
живые.
И все это перед глазами, в двух метрах.
Стою, созерцаю...
Что, собственно, остается еще? Я не знаю, но
Есть странное чувство, что мир их как бы
непроницаем
И мне недоступен, что это просто цветное
кино.

И даже если спуститься к воде, даже если
раздеться...
Только зачем? Искупаться? Но кто же
купается тут?!
Не замечая, снует узкоплечее рыжее детство.
«Дяденька, сколько щас времени?»
Смотришь, часы отстают.

СУЗДАЛЬ

Город прогулочный, тихий, пустой,
низкорослый:
Речка домашняя, мост, тростниковые весла,
Бабочки, хмурые пчелы, жуки,
прожужжавшие уши,
Выводок целый игрушечных хрупких
церквушек.
От огуречных окраин дорога уходит полями.
Жить бы и жить, не тужить, как умеем, как
чувствуем сами, –
Жить, по базару скитаться – крыжовник да
черная вишня...
«Ах, я хотел бы остаться... Хотел бы...» –
шепчу еле слышно.
Ветер пристанет – колышет матерчатый
полог.
Дорого все, не сторгуешься: столько уловов
У старушенций, с утра заседающих тут,
говорливых.
Свет сквозь деревья – прилавки в дрожащих
наплывах,
Лица и руки, и доски, и пыль золотая...

Далеко грохочет электричка... Что ж теперь
Глупенькая, ну... Ну, разве что не ладно?..
Ну, не плачь, все будет замечательно,
Поверь!

ВЕРНУВШИЕСЯ НА РАБОТУ

Неправдоподобней всего то, что месяц
назад уже знал,
Представлял, как войду в свою комнату,
сяду за письменный стол.
Только тонкая пыль выдает, что я в отпуске
был – отгулял,
В самом деле отсутствовал... Мягкий слепой
ореол...
Что же это – рукой проведу – омертвевший
сухой конденсат
Отошедших недель? Пальцы в серых
лохматых комках.
Солнце, радость движения, вянущий,
пахнувший сад –
Тут? Да было ли, да не приснилось ли?!
Недоумение, страх...
Я ведь знал, что так будет, я помню,
как месяц назад
Перед самым уходом, уже заперев все,
присел,
Задержался, запнулся, последний
рассеянный взгляд...
И теперь... Может, просто задумался,
может, уйти не успел?
Пыль... Я папку достану. Да есть ли он,
узкий просвет
Между завтрашним днем и сегодняшним,
есть ли надежная связь
С настоящим? К столу от окна протянулся
мерцающий след,

Легкий прах балансирует в воздухе,
загустевая, клубясь...

* * *

Разве мы уже вместе два года?..
Однако!
Только я не могу все избавиться от
Ожиданья начала какого-то, смутного,
тайного знака,
Что нас новая (как там, «семейная»)
жизнь опекает, ведет.
Все игрушечным, невсамоделешным кажется,
или в себе измененья
Не умеешь заметить? Мотивчик хромающий
с уст...
Ее кофточка белая.. Сводит сума подозренья,
Страх, что любишь неполно, поверхностно,
что легкомысленен, пуст.
Быть не может! Зайду в нашу комнату, дверь
осторожно прикрою:
«Спи, в твоём положении надо достаточно
спать».
Уже скоро. Неделя какая-то. и развлечениям,
покою
Не замедлит конец... Не способен сейчас осознать,
Ни почувствовать. Где-то за нас совещаются тайно,
Принимают решения. Нам остается итог,
Да и то лишь с трудом узнаваемый, скрытый
привычкой, случайно
Выясняющийся...
Впрочем, зная заранее, кто
согласиться бы смог?..

* * *

Этот сверток с ленточкой голубой,
Белоснежный, плотный, а в нем живой
Человек – человечек. Держу, стою,
И жена выходит – не узнаю.
Страшный дом... Что с ней делали тут, пока
Мы не виделись? И откуда теперь
Этот маленький сверток? Закрылась дверь...
Стены белые – кафель до потолка.
Тот же лоб, те же губы, глаза, рука?
Я не знаю, я с нею там не был, нет!
Притвориться спокойным...

А резкий свет
Лепит тени на бледном лице. Сейчас
Поцелуемся...

Господи, трое нас.

* * *

Интересно, что ему снится, укутанному,
чуть живому?
Только носик торчит, да колечко пухляшки
плывет.
Вдруг причмокнет во сне, зная опять
потянуло к родному...
О, молочные теплые струи, свободно бегущие
в рот!
Совершенно пьянеет, когда начинает сосать.
Головою
Жадно дергает, сердится. Тоже мне хищник!
Смешной...
Я одеяльце сложу, козырек у коляски
раскрою...

ЕЩЕ НЕ ПРОСНУВШИСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО

Ночью просыпаюсь оттого,
Что боюсь звучащего металла –
Сторожа тупого моего.
Сколько там, смотрю? Осталось мало
Спать. Еще, еще хоть полчаса!
Снов родных глухие голоса,
Слабые и зябнущие руки.
Тик, тик-так – подбадривает счет...
Тень бумажной лодочкой плывет,
В лоб целуют медленные звуки.
Успокойся... Но мерцает страх
С циферблата. Выдох на губах.
Встать, как лечь во влажный, ледяющий
Снег, и длить один напрасный сон,
Трудовой, застывший. Но учтен
Только этот, трудный, настоящий.

И ведь не спорить же с ним! Бесполезно...
Не может...
Когда
Предупредили его на последнем осмотрел
врачи,
Тихим полдня проходил, привыкая...
Какая беда
Ждет впереди?!
— «Ну, закурим, Алеха?!»
Молчи...
Низенький, стекла очков бронированных,
то ли загар, то ли так
Кожа уже продубилась.
Но кажется: наверняка
Завтра оставишь привычки опасные,
жизнь переменишь, сквозняк
Впустишь... Конечно же завтра! Поэтому
можно пока...
Что ж не сегодня? Дела, понимаешь ли, есть,
Милой, любимой, проклятой работы предлог.
Где тут опомниться! И соблазнительна честь
Жертвы кому-то, и всепокрывающий долг.

* * *

Сидя за микроскопом, от яркого света устав,
Сдвинешь набухшие веки и чувствуешь
тяжесть глазных
Яблок. Слетаются слабые звуки слепые:
гнусав
Голос распахнутой двери, сквозняк
освежающе тих.
И переваливающих, неторопливых шагов
Звук. (Угадал, это Кира Ивановна.) Вот

Остановилась, обходит торчащую сеть
проводов,
Стул отодвинула... Сядет сейчас, отведет
Справа рычаг у машинки, копирка....
И та-та-та-та –
Дробь гулких клавиш...
А помню еще как-то раз
Слышал ее разговор с Фомичевым.
Он глухо бурчал: «Ни черта
Не получается...»
– «Тише, пожалуйста, тише!.. Сейчас
Лучше тогда отложи».
И меня поразил ее тон...
Что же, вечерних часов не хватает на дом,
на детей?
И материнский инстинкт, как простой
механизм заведен,
Даже и тут продолжает с мелодией
хрупкой своей:
«Тише, ну, глупенький, тише! Ну, ну,
успокойся! Бай, бай!..»
Я оглянусь посмотреть на сутулую спину,
пиджак,
Синюю, полуразмытую татуировку, под край
Задранного рукава ускользящую,
и подумаю: «Разве что так...»

* * *

Ах, я знаю вас, мальчики бодрые
С близко посаженными глазами,
Готовые книгу мусолить часами
В неприкаянном транспорте. Еще безбородые,
Еще нетвердые в любви безоглядной

К индикаторным лампочкам, напоминающим
Так светомузыку, или звезды, мигающие
Вечером в луже, у самой парадной,
О, эти густые, мягкие коконы
Волос! Не чуждые ловкости руки!
Племя народовольцев: «Да, все для науки!»
И глухие желанья подавлены, скомканы.
Ну, как не любить вас?! Тяжелые крылья
Мученичества прорежутся к старости.
Пока же веры достаточно, ярости,
И ни на добро, ни на зло не требуется
усилья.

ПО ВТОРНИКАМ У НАС СТАЖИРОВКЕ СТУДЕНТ ДИМА

Дверь откроет и войдет сияющий,
Рыжий, незатасканный, ершистый,
Хорохорящийся – и повадка та еще,
Подростковая: небрежно, быстро...
Принц, студентик – однодневный труженик,
Желтый одуванчик, венчик птичий.
Сколько сил еще не обнаружено,
Но подозревается в наличии.
Легкий день – ну чем не развлечение
Погостить у бабушки науки:
Карамельных лампочек свечение,
Проводочки, в канифоли руки,
Новый запах, терпкий и воинственный,
Впечатлений гулкие качели.
Все бы хорошо, да день единственный
Взрослых развлечений на неделе.

ПЕТЯ ГОЛУБЕВ ОБЪЯСНЯЕТ МНЕ СПЕКТРЫ ОБРАЗЦОВ

Как он уверенно держится, ручку берет,
Тянет слова!.. Птичьих формул свободный
разлет.

Только кивать успеваю растерянно:
«Да, понимаю, да, да...»

(Ужас охватывает от бессилия и от стыда –
Только б не задал вопрос!) Как мучителен
взгляд его глаз,
Светлых, внимательных, выпученных,
неживых!

Вычитал, руку набил, подытожил, припас...
Что за обида скрывается в этих значках
кочевых,

Маленьких, черных, бегущих от края листа
(Смысл едва уловим), что за непоправимый
итог?!

Старше меня лишь на год он, и так
беспощадно проста

Эта прикидка, и так непонятен порог,
Нас разделяющий!

Вроде старался, и вот...
Нервно киваю... Сейчас он заметит, поймет...
В комнате душно, и лампы воркующей свет
Липнет к бумаге, приборы в проходе торчат.
Жить не умеешь, бездарен? Какой бы ответ
Выдумать, если внезапно пристанут к тебе,
уличат?

Чем успокоиться?!
Скользкая эта игра
Уж затянулась. Он все говорит, говорит.
И ведь не спросит тебя ни о чем,
понимаешь, – не спросит. (Пора
Это понять!) Не присмотрится, не оскорбит...

ЗОВУ АНДРЕЯ ОБЕДАТЬ

1

Наклонился над столом, ссутулился.
Мелких гаек, винтиков развал.
Не заметил, видимо. Волнуясь, я
Тихо подошел к нему и встал.
Милая моя энтомология!
Лампочек усатых - хрупких пчел
Очертанья скользкие, пологие.
Паучок-тиристор, богомол.
О, какими пальцами прилежными
Он берет их легкие тела,
Ставшие доверчивыми, нежными,
Из металла, звонкого стекла.
Тихо водят лапками, щекочутся,
Не кусают. Что за детский труд!
Как ему завидую! Не хочется
Трогать, отвлекать... Пускай живут...

2

До плеча дотронусь - вроде выпрямится,
Обернется - взгляд еще не узнающий.
На щеке налипшая ресница,
Складки под глазами резче, гуще...
И не уловить преобразования:
Эта суетливость, эти руки
Грязные, нетвердых слов скольжение –
Мелкое кокетство от науки.
Дескать, он не может, нету времени:
«Вот, - кивает, - проводочки, трубки...»
Два начальника, сидящих в отделении,

Плутовато смотрит: громче, ну же!
Как бы научиться всех одаривать
И располагать к себе?
Загружен
День рабочий, трудная, семейная
Жизнь по вечерам. Предохраниться
От обид хотя б, от осуждения.
«Есть пора, – кричу. – Кончай трудиться!»

НАЧАЛЬНИК

Едва он входит, замолкает разговор
На посторонние предметы. Как укор,
Молчание, нахлынувшее вдруг.
О, кандидат технических наук,
Руководитель группы, с. н. с.,
Невольный страж, поставленный над всем!
Увы, его терзает интерес
К потоку общих внеслужебных тем:
О выставке, о том, что с января
Подорожание, о двух путевках в Крым...
Но доступ воспрещен ему. Не зря
Мы так прилежно трудимся, молчим...
Он постоит, не зная, что сказать,
Метафизически закупорен в своей
Печальной должности...

Так, знаете, играть
Не принимают замкнутых детей.

Впрочем, есть цель – защититься
так лет через пять или шесть.
Голову набок склонив, говорит
(отражается свет
В стеклах массивных очков) – говорит,
не торопится сесть
Снова за стол...
Затекающих мышц молодых
Жаль, а еще для растраты накопленных сил.
Все понимает, надежд не питает пустых,
Но и из правил игры, как мне кажется,
ни одного не забыл.

НАЧИНАЮ ЗАМЕЧАТЬ НЕЧТО СТРАННОЕ

Вчера заметил, что хожу по коридору
Слегка прихрамывая (Игорь, кстати, тоже).
Начальник наш, когда он был моложе,
Слыл альпинистом, часто лазил в гору,
Сорвался, ногу повредив...

Как странно...

Откуда обезьянничанье это?
Или похожесть нам всегда желанна –
Охранный признак, добрая примета:
«Я свой»? Или от долгого общенья,
От воздуха, которым вместе дышим,
От тесноты мышьиной превращенья
Случаются? и говорим, и пишем
Похоже... О, рассадник тихий, пыльный
Привычек с трафаретными чертами!
Никто не принуждает нас насильно
Жить так, как все, – мы сами, сами, сами...

КОМНАТА 21

1

У Тамары Васильевны в комнате
три хризантемы
В узкой колбе стоят, и художественный
календарь
Над столом с репродукцией желтой пейзажа
Хоббемы.
И вполне представима здесь темно-вишневая
шаль.
Только вместо нее лаборантский халат.
Для создания уюта
Двух-трех мелких вещиц оказалось
достаточно.
Пыль с установки стереть...
Так вот мир обживаем, непрочный,
кренящийся круто.
Стебли хрупкой посуды химической,
заиндевелая медь
Проводов..
Ах, Тамара Васильевна, бледная Ваша
улыбка
Так понятна... Привычка... Скупая покупка
цветов
По утрам. Хризантемы романсные, горькие,
льнущие зыбко,
Словно кошка к руке. Незаполненный сон
вечеров.
Что за дисциплинированная, покорная жизни
повадка,
Перелетная нежность, муравьиный азарт
или труд?
Губы ярко покрашены, платье прилизано
гладко...

Что еще уступить предлагают?

На чем задержаться дают?!

2

Лестничная площадка сразу обдаст холодком.

На первый этаж спуститься – в жгучую воду

войти.

Ежишься, почему-то воздух хватаешь ртом.

Снег налипает на стекла, и сумерки до шести.

Каменные ступени, шаткая дрожь перил.

Всегда продают хризантемы под первые

холода.

Я никогда не дарил их, может быть,

и не любил

Белые горькие пряди, прохладные, изо льда.

Вспомнилось, как говорила мне про свои

дела:

«В театр ходить собралась, достала

абонемент...

И в Эрмитаж... Я раньше в пригороде жила».

Мне почему-то понятно стало: ей сорок лет...

Сроки амортизации жизни! Какой ценой

Платим за эти клочья неба в сыром окне,

За неживую зиму, за обветшалый зной

Августовского Крыма, с пляжниками,

на спине

Тупо лежащими!..

А Ира, когда бы мы

С нею тогда не встретились, тоже бы стала

ждать

До сорока? Ах, нет же!.. И нет тут ничьей

вины –

Страшно об этом знать...

СОДЕРЖАНИЕ

В НОВЫХ КВАРТАЛАХ

Ночное дежурство в лаборатории	5
Фотолюминесценция	5
Овощебаза	6
В институтской посудомойке	7
«Мелок равнодушно, противно скрипит...»	8
«Так к сорока Пяти...»	9
Гаражи	9
Перекур на стройке	10
«Приглядываешься, проходя мимо...»	11
Глухонемые в метро	12
Кинотеатр	12
Весна в новых кварталах	13
«Луны беловатый мазок...»	14
Март начинается	16
На кухне	17
Перчатка	17
Зеркало	18
Калейдоскоп	19
«Не запомнить, качаясь на чутких качелях сна...»	20

ВМЕСТЕ БЫТЬ...

«Но я люблю, люблю!..»	21
«Лучше больше тебя никогда не видеть...»	22
В Павловске	23
На могиле Анненского	24
«Нет, не зыбкая поволока...»	25
«Язык латинствующий. Летний облик лип...»	26
Свадебная фотография	27
Начало отпуска	28
Баку	28
«Почему эту южную землю...»	29
Комплекс дворца ширваншахов в Баку	30
«По Тбилиси ходили в сопровождении экскурсовода...»	31
Военно-Грузинская дорога	32
Домой	33
Покупая жене букет календулы	34
Стрельна	35

ЛЕТНЕЕ РАСПИСАНИЕ

в вагоне пригородной электрички	37
«Березы гладкий ствол и перхоть на земле...»	38
«На зеленой стоянке, чтоб ноги хотя бы немного размять...»	39
«Стоим на вершине холма...»	40
Песок	41
«Пижма на берегу...»	41
«Боюсь пауков и ос...»	42
Проходя по вестибюлю гостиницы	43
Звоню в Ленинград жене	44
«Нынче ветер, облака свое движение ускорили...»	45
«С мостика через речку...»	46
Суздаль	47
«Вечером как-то особенно тихо в саду, и готов...»	48
«Вот увидела и заспешила...»	49
Вернувшись на работу	50
«Разве мы уже вместе два года?...»	51
«Этот сверток с ленточкой голубой...»	52
«Интересно, что ему снится, укутанному, чуть живому...»	52

РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

Еще не проснувшись окончательно	54
Один	55
Алексей Федорович Фомичев	55
«Сидя за микроскопом, от яркого света устав...»	56
«Ах, я знаю вас, мальчики бодрые...»	57
По вторникам у нас на стажировке студент Дима	58
Петя Голубев объясняет мне спектры образцов	59
Аквариум в механической мастерской	60
Зову Андрея обедать	
1. «Наклонился над столом, ссутулился...»	61
2. «До плеча дотронушь – вроде выпрямится...»	61
Начальник	62
Пал Пальч	63
В своей комнате	64
Начинаю замечать нечто странное	65
Комната 21	
1. «У Тамары Васильевны в комнате три хризантемы...»	66
2. «Лестничная площадка сразу обдаст холодком...»	67
Загачивая карандаш	68
«Есть мужество природное – принять...»	68

Алексей Геннадьевич Машевский

ЛЕТНЕЕ РАСПИСАНИЕ

Редакторы И. С. Кузьмичев, М. В. Гоппе
Худож. редактор М. Е. Новиков. Техн. редактор
Г. В. Мисюль. Корректор И. Ф. Алексеева.

ИБ № 7091.

Сдано в набор 28.04.88. Подписано к печати 22.11.88, М-24211.
Формат 70×90 1/32. Бумага тил. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 2,63. Уч.-изд. Л 2,23.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1062. Цена 25 к.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение, 191104, Ленинград, Литейный пр., 36
ПО-3 Ленуприздата. 191104, Ленинград, Литейный пр., 55